

Д. М. МОЛДАВСКИЙ

Изображение солнца в гравюре Василия Кореня

(Зависимость этого изображения от А. Дюрера и влияние его на В. Маяковского)

В числе выдающихся произведений, созданных в России в конце XVII в., мы находим гравюры мастера Василия Кореня (1696 г.), раскрывающие библейские сюжеты, — «Книгу Бытия» и «Откровения Иоанна Богослова» (Апокалипсис). Не ставя своей задачей анализировать эти произведения, мы остановимся на двух моментах — предыстории и последующего влияния одной из этих гравюр. Нарушая хронологический принцип, начнем с явления почти современного нам.

В. В. Маяковскому принадлежит стихотворение под названием «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» — о солнце, которое по зову поэта явилось к нему, и что из этого получилось.¹ Стихотворение это в достаточной мере исследовано и со своей идейной стороны, и отчасти с точки зрения формы. Многие из писавших о нем (и автор этих строк в том числе) отмечали, правда в общих чертах, связь образа солнца с солнцем как персонажем народного творчества.

И действительно, если мы просмотрим все материалы, связанные с одушевлением и очеловечиванием образа светила в фольклоре, мы обнаружим совершенно определенные его черты — способность приходить, уходить, разговаривать и пр. Об этом хорошо писал еще А. Н. Афанасьев.² Но солнце у Маяковского отличается от персонажа сказок или песен. Отличается оно по манере изображения и от тех образов, которые возникали у поэта в предреволюционном творчестве и в плакатах РОСТА.

Какие же приметы светила? Кроме очеловечивания, доведенного до конкретизации (так, разговорное выражение «солнце зашло» превращается в реплику «...чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы!»), появляются зримые черты, несвойственные устному творчеству; о солнце известно, что оно закрыто мягкой тканью облаков («за-нежен в облака ты»), что у него человеческого лоб («златолобо»), что оно способно ходить, «раскинув луч-шаги» (и даже более того, известно, как оно ходит; в одном из вариантов сказано: «...луч-шаги свои расставив в поле», т. е. циркулеобразной походкой).³

Все эти черты заставляют нас представить не столько солнце из устной поэзии, сколько изображение, вошедшее в знаменитое собрание

¹ В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. 2, М., 1956, стр. 35—38.

² А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1. М., 1865, стр. 74, 207—227 и др.

³ В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 442 (примечания).

Рис. 1. Альбрехт Дюрер. «Откровение святого Иоанна». Сцена из Апокалипсиса. Гравюра. 1498 г.

Рис. 2. Василий Корень. Сцена из Апокалипсиса. Гравюра. 1698 г.

Д. А. Ровинского «Русские народные картинки»; в этом собрании есть гравюра мастера В. Кореня, изображающая ангела, лицо которого «яко солнце и нозе его яко столпи огнении».⁴

Если не вглядываться в подпись, то перед нами предстанет весьма своеобразное изображение не столько ангела, который изображался обычно в виде крылатого юноши, а солнца. У светила человеческое лицо, туловище его целиком закрыто облачной тканью, идет оно, расставив ноги-лучи. Двигается это светило к сидящему человеку, чтобы передать ему книгу (рис. 2).

Можно предположить, что именно таким увидел и запомнил эту гравюру из собрания Д. А. Ровинского В. В. Маяковский, еще в ранней юности проявлявший интерес к этим народным картинкам.⁵

Нам кажется, что человеческие, зримые черты образа солнца из известного стихотворения связаны с гравюрой мастера Кореня.

Но у упомянутой гравюры есть и предыстория. Как известно, Василий Корень часто гравировал с рисунков некоего Григория, о котором известно немного — то, что этот мастер был иностранцем, поляком, работал в Московской типографии.⁶ По всей вероятности, этот Григорий был знаком и с явлениями тогдашнего западноевропейского искусства. Во всяком случае упомянутая гравюра очень близка к гравюре Альбрехта Дюрера «Откровение святого Иоанна» (точнее, к ее центральной части)⁷ (рис. 1). Сравним и общую композицию вещи и детали: лицо Иоанна, его руки, берущие книгу, вьющиеся волосы, плащ; движение ног, раскинутых пылающих огнем столбов, раскинутые руки, скрытые облаками туловище. Сходство разительно, хотя русская гравюра проще, ближе к народному изображению солнца.

Нет никакого сомнения в генетической близости этих произведений.

Так, одно стихотворение и две гравюры еще раз подтверждают тезис о неразрывной связи новаторства и традиции, во-первых, и о национальной культуре как культуре, вырастающей на интернациональной почве, — во-вторых.

⁴ См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Атлас, т. III. СПб., 1881, табл. 810, картина 31.

⁵ Сестра поэта художника Л. В. Маяковская сообщила нам, что еще юношей Маяковский проявлял большой интерес к лубкам, имевшимся у них в доме. Об этом рассказывал нам и Н. Н. Асеев.

⁶ Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX вв., т. 1, СПб., 1895, стр. 252.

⁷ См.: Bildende Kunst, 1958, № 8.